

В этом номере

ISSN № 0130-7045

МИНСКИЙ АЛГОРИТМ

Опыт воспитания
в коллективе

РАЗГОВОР О НРАВСТВЕННОСТИ

«Круглый стол» редакции

А. ЧЕРНЯХОВСКИЙ

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ?

Э. ФИЛИМОНОВ

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ

НАУКА И РЕЛИГИЯ

И. АЧИЛЬДИЕВ

ЗАПОВЕДИ МАХАЛЛИ

Е. ЛОСОТО, В. ХАРАЗОВ

Ваше письмо получили

Хью УОЛПОЛ

ТРУБНЫЙ ГЛАС

Рассказ

2 • 1980

51-85

История и современность

У ансакалов много дел...

КАК ЖИВЕШЬ, МАХАЛЛЯ?

Игорь АЧИЛЬДИЕВ, специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

ПУСТЫНЯ И ЛЮДИ

Если правду говорят, что Сибирь — Пространство, то Средняя Азия — само Время. Разумеется, и здесь, в Советской Средней Азии, раскинувшейся от Каспия до Алтая, вполне хватает «света и воздуха». Можно лететь над нею часами, наблюдая, как под крылом меняется земля. Она может быть безжизненной: желтые барханы, еще вчера гонимые ветрами, сегодня не шелохнутся под палящим белым солнцем. Вдруг она сереет — пошли колючки и кустарники. Проходит еще час, и теперь земля похожа на бескрайний цветущий сад — в эти районы по воле человека пришла вода.

Однако будем объективны: пока здесь преобладает пустыня. Человек всегда противостоял ей и боролся с нею. Он прокладывал каналы, рыл глубокие колодцы, отыскивая под барханами спасительную влагу, строил дома, разбивал сады. Но и пустыня всегда противостояла человеку. Упрямо, молча, она дейст-

вовала с неотвратимостью стихийного бедствия, словно в сговоре с распрямами, которые веками раздирали племена и народы Средней Азии, с эпидемиями чумы и оспы, с палящими суховеями и самумами.

В крови и огне, от смертельных болезней, под барханами гибли целые культуры и цивилизации. И тогда снова воцарялось медленное время пустыни, измеряемое не деяниями людей, не ростом деревьев, не сменой поколений, а тягучим, мертвым током песка.

Недалеко от Фараба, городка на границе между Узбекистаном и Туркменией, наш шофер-узбек остановил машину у неглубокого карьера. Еще недавно строители добывали здесь песок и глину для соседней стройки. Но однажды ветер сдвинул с невысокого холмика слой спрессованной временем земли. Обнажился дувал, стена, искусно сложенная из плоских необожженных кирпичей. Когда-то здесь жили люди, много веков назад. Они растили детей, хоронили стариков, пасли скот, любили и во-

евали, пели песни, молились богам, проникали в тайны природы... Сыпучие пески завоевали их жилища, люди откопывали и обосновались по соседству.

— Давно сидим! — сказал шофер, в раздумье глядя на старинный полуразрушенный дувал, цокая языком и качая головой. — Давно... Дольше, однако, пустыни...

Он имел в виду свой народ, своих предков. И я понимал его, очень хорошо понимал... В Самарканде я отыскал кладбище, где захоронены мои предки. Группкой стоят несколько небольших «домиков», выложенных, по обычаю, своеобразно: верх похож на седло. У прадеда Сулеймана «домик» побольше, у прабабки Мариам — поменьше. А рядом — еще и еще могилы Ачильдиевых. Род у нас большой: только у Сулеймана было 11 сыновей и одна дочь. И по всем линиям родилось немало потомков. Но... ведь и у Сулеймана был свой прадед, тоже похороненный где-то в этой желтой, плодородной, благодатной земле!

Призраки веков и тысячелетий маячат над мохнатыми бараньими тельпеками и вышитыми серебристой нитью тюрбейками здешних скотоводов, земледельцев, мастеров-ремесленников. Борьба с пустыней — пожалуй, главная особенность их жизни. Она требует великого мужества, огромной воли, высокого мастерства. Она выковала и отчеканила свои заповеди. Первая и главная — ничего нельзя делать в одиночку. Если на просторах средней полосы России «один в поле не воин», то в пустыне один обречен на гибель.

Одному — нельзя! Поэтому возникла махалля — сообщество людей, живущих рядом, трудящихся вместе, объединенных одними целями.

Говоря по-современному, махалля — это микрорайон, небольшая община жителей городского или сельского квартала, деревенская завалинка, такой, знаете ли, старый арбатский двор. Изобретение древнее, как мир. Только вместе с другими жители пустыни мог противостоять стихиям, недородам, притеснениям угнетателей, набегам врагов. Жизнь махалли всегда была подчинена обычаям, в которых спрессовался опыт разных поколений, разных эпох. Обычай был законом пустыни. Они были самые разные и неожиданные. Если ты встретил умирающего от жажды врага, сначала напои его — так требовал обычай, — а потом своди счеты. Махалля сурово карала заслушание. Строгое следование обычаям, подчинение каждого дисциплине общины было необходимо, чтобы выжить, противостоять пустыне.

Велик человек, сумевший выжить в пустыне! Еще более велик он, если сумел построить здесь высокую социалистическую культуру и заставить пески отступать все дальше. Наше время воспитало новых жителей пустыни, чья жизнь приобрела глубокий смысл, обогатилась духовными ценностями. Вместе с жизнью менялась махалля — древнейшее изобретение поддается, оказывается, модернизации, оно живуче и современно.

Нынешняя махалля — часть нового, социалистического общества, следовательно, преобразилась и ее роль в жизни людей. Современная махалля, как правило, предъявляет своим членам вполне реальные требования, в которых отражается духовный мир наших современников, живущих в здешних краях. Впрочем, не так все просто с махаллей...

Социальные, нравственные и духовные проблемы сегодняшнего дня тесно и иногда причудливо переплетаются с традициями минувших веков. Порой обычай приходит в столкновение с новым образом жизни. Но как отступить от него, если махалля еще не перестроилась, если требует своего, а вы уже знаете, скажем, что нельзя не пускать дочку одну путешествовать, или поняли, что совсем не нужно вам соблюдать религиозный праздник, чтобы сохранить «верность своей нации»? А по традиции, воспитание детей и ваш образ жизни — далеко не ваше личное дело. Махалля считает это дело и своим. И... порой не успевает за временем!

Вы живете в небольшом старом городском квартале или новом микрорайоне, где все вас хорошо знают и где вы всех отлично знаете. У подъездов дома или на лавочке у ворот, за столом, врытым в землю под чинарой,

сидят люди, отдыхают — в основном старики, старухи, но не только. От их бдительного ока никто и ничто не ускользнет. Кто с кем поссорился и помирился, кто с кем женихается и разводится, кто с кем ходит в кино и на танцы, кто что ел на ужин и на завтрак и как работает — здесь ведают все! На разные лады обсуждаются ваши дела, дела ваших родственников, ваших знакомых и приятелей. Разговоры, разговоры...

На Востоке это не просто разговоры, это — общественное мнение, которое очень быстро сказывается на судьбе того, кто отступился от принятых обычаев. Такому приходится плохо. Во главе махалли стоят уважаемые всеми старики, под их началом — целые роды и кланы. Стариков слушают, выполняют их распоряжения беспрекословно. И нередко веками отточенные социальные механизмы обычая действуют безжалостно и бездушно, напоминая длинные острые ножи. Во всяком случае, так было почти всюду еще недавно, кое-где так бывает и теперь. Но махалля, повторяю, все равно меняется, перестраивается и, впитывая дух времени, существует, живет и здравствует. Пределы ее возможностей сегодня значительно ограничались. Она следит за тем, чтобы новые нравы и обычаи не нарушали привычный общественный порядок, не выходили за рамки «приличий», установленных отцами и дедами.

Впрочем, многое зависит еще и от того, как понимать махаллю... Если это только совет старейшин по месту жительства — тогда верно, возможности ее сегодня ограничены. Но ведь общественное мнение складывается и на заводе, в учреждении, и в среде мастеров. В общем, махалля преобразилась — пожалуй, сегодня махаллей можно назвать самые разные сообщества людей, объединенных общим занятием или местом жительства, где складывается и функционирует общественное мнение. И тут ее возможности огромны. В ее деятельности мы без труда разглядим и некоторые черты сложных взаимоотношений человека и общества. Как же она живет, эта новая, преобразенная махалля? С ней я сталкивался всюду в поездках по Средней Азии, по-разному она выглядела...

ПОД ДРЕВНЕЙ ЧИНАРОЙ

Эту чинару охраняет государство — ей скоро будет двести пятьдесят лет. В жаркий день она накрывает своей листвою соток шесть-семь земли. Под нею обычно и заседает комитет махалли Лялязар, что в переводе означает «Новая весна». Хотя «комитетом» в обычном смысле слова его едва ли следует называть. Ни протоколов, ни официальных заседаний, ни постановлений-решений... Но уж если махаллинский комитет решил, то его слово и без бумаги твердо.

Под чинарой — традиционные деревянные кровати с резными ножками, застеленные цветными одеялами. На них сидят, скрестив ноги, старики с белыми бородами — аскалы. Маматкулу Нурмухаметову 86 лет, у него пять сыновей, одна дочь, 20 внуков и внучек, 34 правнука. Не все живут в Лялязаре, многие разъехались по белу свету. Но старший сын — здесь, он официально возглавляет махаллинский комитет.

С раннего утра Маматкул с други-

ми стариками пьет чай под чинарой, читает газеты. Он — старейший здесь не только по возрасту, но и по трудовому стажу, который заработал в колхозе «Ленинизм». Маматкул помнит время, когда рядом с чинарой была мечеть. После революции в ней разместили школу. Потом, когда построили новую школу, в бывшей мечети стали крутить кино. Маматкул ходил в мечеть, в школу, в кино.

— Вчера читал в газете, — не спеша начинает разговор Маматкул. Он отпил глоток зеленого чая и поставил пиалу рядом, на цветное одеяло, которым застелена кровать. — Одна родила 15 — а у нее и сейчас все зубы целы. Вот женщина!

Старики кивают головами, кидают на покупку чая пятиалтынные.

— Пятнадцать родила? Ай-ай-ай, какая женщина!

Старики пьют чай и какое-то время молчат.

— Скоро свадьба у Рахметовых, — возобновляет кто-то разговор. — Что будем делать?

Начинается совет. Целый день они будут обсуждать, кто придет на свадьбу, сколько гостей приедет из других мест, каких родственников надо позвать, а с приглашением каких не торопиться.

— Жених очень молодой, — замечает один из стариков. — Два года как пришел из армии.

После этого все долго молчат, пьют чай, а потом говорят о родственниках Рахметовых и их заслугах.

И тут другой старик, будто без связи с замечанием о молодости жениха, роняет:

— Помочь надо, молодые только-только начали работать, не поднять им свадьбу.

— Старики решают все сами, — рассказывает Мамед Маматкулов, председатель махаллинского комитета. — Если кому надо помочь, — махалля помогает. Сколько покупать вина на свадьбу — решают старики. И не дай бог, если жених или родственники принесут что-то сверх назначенного — осудят и на стол не поставят. Мы не помним, чтобы у нас в махалле была пьянка или какой-то скандал на семейном празднике.

В махалле Лялязар я видел единственный новый обычай. Его уж, строго говоря, и новым назвать нельзя — он давно привился у нас в стране: молодые перед свадьбой едут на могилу Неизвестного солдата, кладут цветы, торжественно клянутся на этом святом для людей месте любить Родину и друг друга.

Все остальные обычаи, кажется, прежние, те, что были заведены далекими предками. И все же, всматриваясь в них, нельзя не видеть, что эти традиционные ритуалы полностью преобразились изнутри. Вот свадьба. Внешне все вроде бы как всегда, во все времена. Но у невесты — она сидит рядом с женихом — открыто лицо, и уже никто не видит здесь ничего нарушающего обычай. Родители жениха и невесты сидят рядом, оказался ненужным мулла с Кораном, за редким, правда, исключением. Хотя сговорились о свадьбе родители, как в старину, но молодые люди выбрали друг друга сами. И строгая махалля следит за тем, чтобы хорошей девушке не попался тунеядец или хорошему парню не досталась неради-

вая жена. Так было и в прежние времена. Если не понравится жених махалле, она приложит все силы, чтобы не состоялась свадьба.

Еще не так давно было: подвергали осуждению новую семью, которая не соблюдала религиозных праздников. В иной махалле и сегодня еще так. Все зависит от того, кто формирует мнение — «передовые старики», мудро принявшие современную жизнь, или те верующие, которые считают религию национальной принадлежностью. Но как бы то ни было, как бы внешне это ни выглядело, молодежь сегодня почти не знает религиозных обрядов, не видит в них смысла, хотя порой и не выражает своего отрицательного к ним отношения из-за уважения к старикам, сохранившим веру в Аллаха.

Да и верующие старики сегодня уже очень отличаются от тех, что фанатично следовали всем требованиям религии, считали все мирское второстепенным...

А вот какую историю я узнал в Самарканде. Если отправиться из него по Хорезмской дороге, то по правую руку при выезде из города будет resto-

тать правоверный? Но мне этого было мало! Хотелось показать мусульманам, как живут у нас в Самарканде. Я взял мешок риса, самаркандского... Зарезали мне барашков, поставили казан. И я сварил им плов — 601 мусульманин ел — и все насытились! Такого плова, как у нас в Самарканде, они не пробовали никогда. Я был очень горд, что они узнали мою родину с хорошей стороны, они так мало о ней знают. Многие спрашивали у меня, тяжело ли живется мусульманам в Средней Азии. Но это до того, как попробовали мой плов...

В КОТОРОМ ЧАСУ ПИТЬ ЧАЙ!

Не все новое и полезное спокойно входит в жизнь Средней Азии, старое не уступает легко своих позиций. При этом действует все та же форма — обычай, который, как заметил Пушкин, — «деспот меж людей». Он живет как непре-

Махалля «Лялязар». М. Маматиулов (третий справа) беседует со старинами — членами махаллинского комитета.

ран «Зарафшан». Около него всегда стоит десятка полтора грузовых машин. Шоферы перед тем, как въехать из дальнего рейса в «жемчужину Востока», обязательно угостятся здесь, отдохнут в саду.

Старшим поваром в ресторане уже много лет работает Ахмад Зубайдов — кадровый общепитовец с 1949 года. Ему почти 70, но в рубашке с галстуком, в пиджаке он выглядит лет на 50 с небольшим. В 1974 году он совершил хадж. Я спросил его, что побудило его к этому, только ли религиозные соображения?

— Мне очень хотелось побывать в святом месте, ведь я мусульманин, и предки мои бывали в Мекке, — отвечал Зубайдов. — Семь раз обошел во-круг Каабы. О чем еще может меч-

ложный закон, его должны соблюдать и уважать все. На того, кто нарушил его, махалля смотрит как на «не своего», и может случиться и так, что ее мнение будет на стороне устаревшего обычая, а единственный его противник и поборник нового, прогрессивного очутится в одиночестве.

Однажды в такую ситуацию чуть было не попал молодой директор Самаркандского фарфорового завода. И попал бы, если бы не понимал социальной природы обычая и отношения людей к нему. Было это несколько лет назад, но Махмуд Акбарович Умаров не забывает этой поучительной истории.

Закончив в Ташкенте техникум легкой промышленности, он несколько лет проработал на тамошнем фарфоровом заводе и приобрел опыт. Организационный

талант Умарова заметили — он был назначен директором строящегося предприятия в Самарканде. Тогда было ему всего 26 лет. С точки зрения здешней махалли новый директор имел два недостатка, и притом весьма существенных: был очень молод и не из самаркандских: «Мальчишка! Ему ли учить стариков, имеющих первое слово в махалле? К тому же в Самарканде у него ни связей, ни корней, местных обычаев не знает, наверное...»

Но Умаров заставил себя уважать. Потому что и в Самарканде, по обычаю, ценили тех, кто знает дело, умеет трудиться и думать о людях. Он принимал от строителей новые цехи, требовал устранять недоделки. Под его контролем и руководством монтировалось сложное оборудование, вместе с «пускатчиками, наладчиками и монтажниками он закинул первую печь. Словом, довел завод до ума.

И вот все готово: рабочие на местах, оборудование действует исправно, печи приняли первую продукцию, сырье есть, заготовки пошли по конвейеру... Прошло два часа нормальной работы, Умаров впервые за долгое время вздохнул с облегчением. И тут вдруг вся смена рабочих и работниц бросила трудиться. Он увидел, что несколько человек расстелили здесь же, в цехе, коврики и начали молиться — подошло время намаза. Кто-то включил электрический чайник, достал пиалы и уже колдовал над заваркой. Остальные уселись в ожидании чая, затеяли несущественный восточный разговор: о детях, о погоде, о видах на урожай, о газетных новостях, о случаях на улице, о поведении молодежи, о невестах и женихах.

Умаров ожидал чего угодно, только не этого неурочного перерыва. Конвейер остановили, а директор убежал к себе в кабинет — думать. Это же не один человек решил пить чай, а вся смена. Как пойти против нее? И как быть с планом?

Но сложившаяся в цехе ситуация была вполне естественной для тех, кто пришел работать на фарфоровый завод. Ведь это были вчерашние колхозники. Завод не терпит перерывов в технологическом процессе, они ему противопоказаны. А крестьянин как раз привык к таким перерывам. Он выходит в поле до рассвета, но как только солнце поднимается высоко, укрывается в тени, отдыхает, пьет чай. Солнце пойдет на закат, станет немного прохладнее — он опять берется за работу.

Дехканин никогда не был связан с необходимостью трудиться восемь часов подряд без перерывов и чаепитий. Это не значит, что они легли или работали спустя рукава. Легенда, распространенная на Западе, о том, что «восточные народы способны работать только из-под палки», — не более чем легенда. Но надо считаться и с тем, что допромышленный труд оставил в психике человека свои глубокие следы, что образ жизни, обычаи складывались и под влиянием природных условий. И то, что, скажем, европейцу представляется привычным, общеобязательным, житель Средней Азии считает ненужным.

Самаркандские рабочие в большинстве своем — вчерашние колхозники: их отцы, матери, деды и бабки, порой и жены с детьми по-прежнему живут и кормятся у земли. И каждую весну возникает поток увольняющихся с заво-

дов — люди идут работать в соседний с городом колхоз.

В чем же дело? Совсем не в заработках. На заводе они выше. Дело в привычке жить летом в селе и трудиться на поле. В том, что там испокон веку жили их предки. В обычае, царящем среди узбеков; перенимать дело отца или деда, наследовать его, как наследуется дом, сад, стадо баранов. Отец передает сыну свою профессию, ее секреты и умение. Сын не смеет отказать от этого родительского дара.

Но что было делать Умарову, когда рабочие бросили конвейер и сели распивать чай? Что было делать, когда растелили в цехе молитвенные коврики? Он нашел единственно верное решение. Он вызвал к себе прораба из отдела капитального строительства.

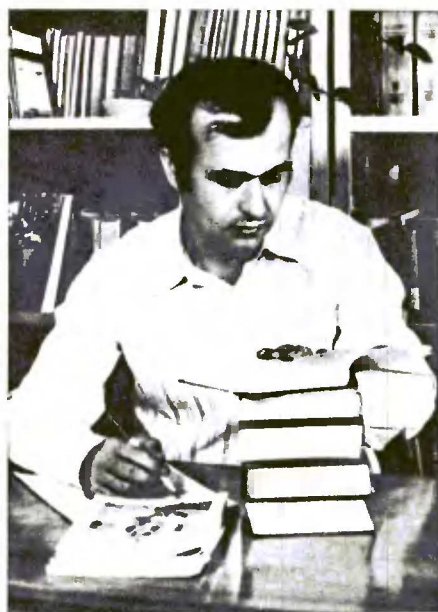
— Надр сегодня же поставить за стенами цеха короткие деревянные кровати, как в чайханах, накрыть их разноцветными одеялами, установить кипя-

тильник. Во второй половине дня все должно быть готово, я тоже буду пить чай со второй сменой.

И перерыв на чай был объявлен самим директором. Но он сумел позаботиться и о том, чтобы чай пить ушла не вся смена, а несколько человек. Конвейер чуть замедлил ход, одни, попив чаю, вернулись — ушли другие. План не пострадал.

Постепенно на фарфоровом привыкли к жесткой регламентации труда, дисциплине. Теперь уже вся заводская махалля следит за тем, чтобы не нарушался ритм работы, поддерживалось плавное течение конвейера. «Вредный» обычай чаепития стал полезным, он помог сплочению коллектива. Во время чая слышны шутки и смех. У стены цеха, где стоят деревянные кровати, бьют тихие фонтанчики. В тени, падающей от нее и посаженных махаллей деревьев, прохладно. Но не так просто было Умарову добиться этой заводской идиллии.

Ощув ритм производства, его нужды, перестали и верующие молиться в цехе — сами пришли к этому решению, никто намаза не запрещал. Но завод-

Салим Халимов — секретарь парткома Самаркандского фарфорового завода.

Махалля «Лялязар». Память о погибших на войне,

Фото Н. Васильевой и Н. Добрикова

ская махалля в целом отнеслась к молитвам во время работы неодобрительно — обряд мешал производству, нужды которого стали ее заботами.

На фарфоровый завод в Самарканде приходит много молодежи. Она быстро усваивает новую систему взглядов, прививаемую ей крупным промышленным производством. И это помогает не соглашаться с махаллей «под чинарой», по месту жительства, если та предъявляет устаревшие требования. Да и старики, как уже говорилось, в основном соотносят свои взгляды с сегодняшним днем. Ведь и их духовный мир меняется в наше время.

МАХАЛЛЯ «ПО-ЕВРОПЕЙСКИ»

Встретился я с махаллей и там, где меньше всего ожидал. В совсем новом, юном среднеазиатском городе Навои.

— Быть руководителем в таком городе — счастье! Что бы мы ни строили, ни проектировали — все впервые. В старых городах надо снести одно здание, прежде чем строить другое. Эти слова надо понимать и в прямом смысле и в переносном... — так начал свой монолог, точнее панегирик, своему городу председатель Навоиского горисполкома Уткир Норкулович Акрамов. Он влюблен в Навои, как может быть влюблен человек в прекраснейшее творение своих рук.

— Здесь жить и трудиться — удовольствие. Вы видели где-нибудь в мире такой Дворец культуры, как у нас? А такое городское озеро в пустыне? А сколько плескательных бассейнов для детишек во всех микрорайонах? Сейчас на каждого жителя Навои приходится более тридцати квадратных метров зеленых насаждений, вскоре мы доведем эту цифру до сорока квадратных метров... Вы представляете, что это значит для Кызыл-Кумов? Когда температура 45 градусов в тени? Покрытая травой почва поглощает на двадцать процентов меньше солнечной энергии, а ночью отдает меньше на тридцать процентов,

чем асфальт. Здесь, в тени, у воды даже жарким летом прохладно...

Вместе с Акрамовым я восхищался Навои. Меня многое поразило здесь. И не столько обилие зеленых насаждений: это легко достижимо, была бы вода. Плескательные бассейны для детишек тоже, разумеется, хороши, но соорудить их просто, было бы желание. Прежде всего поразило меня общее архитектурное решение, планировка города и его микрорайонов. В какой бы точке города вы ни находились, где бы ни стояли — у парадного подъезда жилого дома, у столовой, у того же детского бассейна, — от них до ближайшего магазина, поликлиники, детского сада или яслей не более двухсот шагов. Все здесь, говоря языком архитекторов, в пределах пешеходной доступности.

Кто из жителей громадных микрорайонов Москвы, Ленинграда и других центральных городов может за полчаса обойти такой «кружок»: булочная, парикмахерская, детский сад, аптека, поликлиника, универсам? В Навои это можно сделать даже быстрее. Жителя этого города окружают удобство и комфорт.

Да, согласен с Акрамовым: такой прекрасный Дворец культуры, как «Фархад», редко где увидишь. Мне очень понравился бар в Навои, у него удивительная история и не менее удивительная архитектура. Недалеко от города, в пещере Ташик-Таш найдены останки неандертальца, на стенах пещеры обнаружены древнейшие рисунки. Архитекторы скопировали пещеру, как бы перенесли ее в XX век, и теперь в мягком вечернем освещении можно увидеть наскальную живопись. Разумеется, сработано это талантливо, умно, тонко...

Но лично мне куда более тонким и талантливым показалось иное — то, как архитекторы и проектировщики вписали город в желтую опавшую пустыню. Недаром Навои на одной из международных архитектурных выставок получил первую премию за удачное решение проблемы «человек и окружающая среда».

Секрет решения прост и в то же время необыкновенно труден для повторения. Дело в том, что Навои был признан городом сразу, без предварительного испытания временем, без стажировки.

Начинался город с генерального плана, с общего архитектурного проекта. Заранее было известно, где и какой дом будет стоять. Были объединены все материальные и финансовые ресурсы и застройку вели (и до сих пор ведут) только комплексно, в одном месте. Подрядчик строит микрорайон целиком, от первого до последнего здания. Строит все сооружения, запланированные генпланом.

Что на деле означает принцип застройки целыми микрорайонами? Вглядимся в Навои и обнаружим, что самый современный город в Средней Азии использовал в своем архитектурном решении... самый древний способ местной застройки.

В самом деле, как обычно появлялась на лице города махалля?

Она начиналась с общественного центра, с мечети. К ней лепились мактебы (школы), лавочки мянел и купцов, цирюльни и бани, мастерские ремесленников и чайханы, базар и т. д. А уж от них вкрявь и вкось располагались домишки и домики горожан.

Так вот, в генплане Навои прекрасно сочетается традиционный принцип застройки с новыми принципами советского градостроительства. Микрорайон имеет свой общественный центр, в котором есть клубы и кинотеатры, магазины и столовые, рестораны и поликлиники, детские сады и ясли, школы и парикмахерские. Здесь плескательные бассейны и зеленая полоса, внутри которой стоят жилые дома, их порой и не разглядеть за деревьями. Далеко за город вынесена индустрия.

Все удобно, красиво, современно. Но прежде всего — удобно. Комфортабельно. Именно за это ценят и любят свой город жители Навои.

Павел Ильич Бондарев трудится в управлении строительства промышленных предприятий, он — бригадир. Его бригада изготавливает металлоконструкции, из которых потом собирают промышленные здания в Навои. Бондарев родился в Тбилиси, но считает себя коренным жителем Навои.

— Я строил город, — рассказывал он. — Когда пришло время уезжать, у меня даже не было вопроса: оставаться здесь или нет? Жить в Навои очень и очень интересно. Это на первый взгляд — город как город... Нет, здесь устроено все так, что не приходится растрчивать жизнь на решение мелких бытовых проблем. Комфорт экономит время и энергию для духовной жизни, позволяет больше читать, учиться в институте, чаще бывать в кино, ходить в концерты, просто посидеть на досуге возле дома, поговорить с соседями, обсудить новости, послушать, кто как живет, что где происходит. Вот что такое наш Навои...

Навои показывает образец комплексного решения многих духовных проблем. Это как бы социологическая лаборатория, где экспериментально доказано влияние нового быта и организации культурного досуга на духовный мир людей — на то, что является главным в общественном мнении, что определяет формы общения и влияет на образ жизни человека.

Разумеется, и в Навои есть свои острые проблемы, ответ на которые придет, видимо, позже.

— Понимаете, у нас нет театра, — страдает Акрамов. — Самодеятельность неплохая, но необходимы профессионалы. Нет артистов — кто пока-

жет ребятам, как играют на сцене настоящему? Кто поправит самодеятельному актеру жест, изменит позу, поставит дикцию? У нас нет своей консерватории — значит, нет и достаточно профессиональных музыкантов, композиторов. Поймите меня правильно: я веду речь не о создании каких-то учреждений. Люди, люди, мастера своего дела — вот кто нам нужен позарез... В Навои надо создать и некое культурное ядро, мы ведь строим не просто промышленный центр, а, если хотите, — центр духовного притяжения.

Уже в Бухаре я приводил в порядок свой навоиский блокнот и обнаружил там следующие строки:

«Городу больше двадцати лет, в нем около ста тысяч горожан, в основном узбеки и таджики, хотя, по статистике, здесь живут люди пятидесяти национальностей. В городе нет ни одного культового сооружения...»

«НАРОДНАЯ ПОЛИКЛИНИКА»

Меньше всего мне хотелось бы заканчивать этот очерк мажорной нотой. Жизнь махалли противоречива и полна контрастов. Мы можем, вглядываясь в нее, рассмотреть разные грани быта и традиций. Иные из них помогают строительству нового общества, другие — мешают ему, сдерживают наше развитие. Между старым и новым не всегда царят мир и согласие, чаще между ними идет борьба.

...Из Навои мы выехали в семь утра — еще сторож не открывал двери горисполкома, еще «поливальки» катили по улицам, орошая потоками воды мостовые и цветники. В небольшом автобусе нас, пассажиров, оказалось пятеро: две молодые женщины и трое мужчин.

Один уже через пять минут громким голосом и с выражением стал читать стихи из книжечки республиканского издания — как оказалось, свои собственные. Второй показался мне замкнутым, даже угрюмым. Седые брови нависали над голубыми стариковскими глазами. В руках он держал большой коричневый портфель. Как выяснилось, историк, профессор, а прежде преподавал в школе, у него учились и поэт, и обе молодые женщины. К его словам все прислушивались с почтением. Женщи-

Самарнандские арбузы.

ны — бухгалтеры стройтреста, — когда он говорил, даже откладывали в сторону свои сумки, которые захватили в предвкушении встречи с бухарскими ба- зарами.

— Эй, люди! — окликнул нас шофер, разворачивая автобус перед исполкомом. — Через шашлык поедем или че- рез святой храм?

Завязался оживленный спор.

— Только через Гиждуван! — кипя- тился поэт. — Кто не пробовал гижду- ванского шашлыка, не считается жите- лем Востока...

— Мимо храма Богоэддина дорога короче, — говорили женщины. — При- едем раньше в Бухару, до совещания успеем заглянуть в магазины.

Спор решил профессор.

— Не уйдет от нас шашлык, — веско сказал он и поставил портфель себе на колени. Потом он улыбнулся: — Вы му- сультмане или нет? А мусультмане верят: шесть раз посетить храм Богоэддина все равно что побывать в Мекке. На обратном пути завернем в Гиждуван. А сейчас я покажу вам великолепный храм, соперничавший некогда с дворца- ми великого эмира.

И мы покатали не по «шашлычной» дороге, а по «святой».

По ее сторонам открывались простор- ные ухоженные поля. Пустыни почти не было видно. На диких неосвоенных зем- лях высоко стояла трава, резко пах- ло сухостью, веяло ее терпким арома- том.

Мы проехали часа полтора, тоненькая книга стихов поэта истощилась, и он уже достал из кармана записную книжку, когда вдруг по правую руку мелькнул полуразрушенный желтый купол. Вер- нее, не желтый, а того серо-желтого цвета, какой имеют все старинные соо- ружения в пустыне. Слово песок на- мертво припаялся к кирпичам. Купол еще держался, но дал широкую трещи- ну. Стены некогда величественного хра- ма, тем более великолепного, что воз- вышался он, конечно, над жалкими ла- чугами дехкан, пошли вкривь и вкось: их поколебало не землетрясение, а са- мо время.

Автобус замер у обочины. Под лег- ким ветерком чуть шелестели ветки пи- рамидальных тополей и карагачей. Здесь стояла какая-то особенная тишина. Мол- чал даже поэт... Мы вышли из машины и хотели обойти храм. Не успели мы, однако, сделать и двадцать шагов, как на нас налетела вынырнувшая из-за угла ватага мальчишек и девчонок. Воз- главлял ее паренек лет десяти, катив- ший впереди всех на велосипеде.

— Приходи в Богоэддин, старейший храм святой Богоэддин! — вопил он во всю глотку. — Такой храм нет нигде в мире! Даже великий бухарский эмир боялся Богоэддин. Приходи сюда, пла- ти копейку!

Он сорвал с головы тюбетейку и под- ставил ее нам, как бы собирая милос- тыню.

Профессор приостановился и сказал тихо:

— Как тебя зовут? Твой отец знает, что ты здесь?

Мальчишку словно ветром сдуло с ве- лосипеда.

— А... а, смотритель уехал в Буха- ру, вас в храм все равно не пустят, — растерянно сказал он. — Хотите, я по- кажу вам главный тутовник?

Он повел нас к остаткам старого-пре- старого дерева. Ему, наверное, было лет триста, а может, четыреста, когда свалил его то ли порыв бури, то ли удар молнии. С тех пор прошло еще лет двести... Вокруг живописного ствола вилась тропинка, она подныривала под толстенные сучья, и, чтобы протраться по ней, надо было согнуться в три поги- бели.

— Три раза обойди — никогда не за- болит поясница, — опять заголосил мальчик. — Один раз обойди — всю жизнь будешь здоровым. Ни разу не обойди — заболеешь...

— Вот, товарищи, типичный памятник доисламских верований — так сказать, «народная поликлиника», — заговорил профессор лекторским голосом. — Лю- ди, лишённые врачебной помощи, пове- рили в легенду о чудодейственных свойствах тутовника. Мы с вами, разу- меется, не имеем никаких оснований ве- рить в его целебную силу...

Но тут произошло нечто странное.

— Говоришь, три раза обойди — не заболит поясница? — бодро переспро- сил мальчишку поэт. И, не ожидая отве- та, пополз на коленях по извилистой тропинке вокруг ветвей тутовника.

Обе женщины застенчиво засмеялись и нерешительно нырнули следом за ним. Они перебрасывались шуточками с поэтом, но тем не менее склонялись под старыми обломанными ветвями «на- родной поликлиники», ползли под ними. Профессор строго глянул на них, и они, обойдя один круг, остановились.

Я оторопело молчал. Профессор усмехнулся и пожал плечами. Потом, когда мы уже забрались в автобус и покатали дальше, он заговорил чуть раздраженно, напористо:

— Не понимаю вас, товарищи. Взрос- лые люди! Чему я учил вас? Одно дело уважать традиции прошлого, иное — следовать ветхозаветным бредням. А вы...

Он замолчал. Мои спутники сидели потупившись. Они словно провинились в чем-то перед старым учителем. А быть может, им было неловко и перед собой? Не знаю. Слово ветерок пусты- ни сдул с них тонкий налет XX века, и они не побоялись пренебречь мнением своего учителя (по-узбекским обыча- ям — неслыханный поступок!) и, види- мо, своим собственным тоже. Что про- изошло? Чувство на мгновение победи- ло разум? Или в них заговорила древ- няя привычка предков и заставила от- ступить на шаг современное мировоз- зрение? И я знаю: старая махалла про- фессору здесь не помощница, она обо всем дает свое заключение, и пока вряд ли она осудит обращение к «народной поликлинике».

Нет, далеко не прост и не легкий путь, который приходится прокладывать здеш- ней махалле, чтобы во всем встать вров- нь с экономическими и культур- ными достижениями края. Новая жизнь наступает на старые обычаи, и они по- степенно отступают, иные уходят, как пустыня под натиском человеческого упорства и воли. Но про пустыню из- вестно — стоит людям ослабить напор, она тут же начинает отвоевывать у них благодатную землю. В махалле продол- жается борьба между старым и новым, продолжается жизнь. Поэтому разговор о махалле еще не закончен.

КТО ВИНОВАТ!

Я давний читатель вашего журнала и лектор-атеист. Много раз хотелось написать о некоторых случаях из моей практики, да все откладывал. Но вот, прочитав в № 5 за 1979 год статью А. А. Осипова «Одно извине- ние у бога — что нет его», взялся за письмо. Возможно, то, что я расска- жу, послужит кому-то уроком, помо- жет предотвратить несчастье, кото- рое может произойти из-за бездум- ной веры во всемогущество Аллаха.

У нас в Ташкенте, на углу улиц Красновосточной и Дадабаева, жила одна хорошая, трудовая семья. Роди- тели были глубоко верующими му- сультманами, сын их до 23-летнего возраста рос, как и большинство на- ших парней: учился, работал, служил в армии и вновь работал. По отзывам товарищей, работал добросовестно. Однако вскоре друзья и родители стали замечать странности в его по- ведении. Многие указывали на то, что у него начиналась психическая болезнь. Но вместо того, чтобы об- ратиться к врачам, отец больного пошел за помощью к мулле. Тот не замедлил прийти и «поставил диа- гноз»: «В вашего сына вселился шай- тан». Началось лечение по-мусуль- мански.

В доме больного читали молитвы. Через несколько дней резали черно- го барана, его шкурой накрывали больного и вновь молились — долго, истоно. Все это длилось более полу- года. Статьи, лечение это немало стоило. Состояние больного между тем ухудшалось. Он бросил работу, заперся дома. Достал охотничье ру- жье и патроны. В дом он пускал только отца с матерью и своего друга.

«Лечебные» молитвы теперь со- вершались в мечети. Товарищ боль- ного не раз говорил родителям, чтобы они обратились к врачам, но они свято верили, что лучше молитв лекарства не может быть. А бо- лезнь шла к своему кризису. И вот пришел день, когда больной выгнал из дома отца с матерью, пригрозив, что убьет их за то, что они «отступа- ют от Аллаха», — так ему казалось. Только тогда родители согласились с товарищем сына. Теперь уже требо- валась специальная скорая помощь. Больной встретил врачей выстрела- ми. Прибывший на помощь наряд ми- лиции выполнил, что нужно, но при этом погиб молодой парень — сер- жант милиции Миненко и был ранен полковник милиции Зайцев. Больной, доставленный в больницу, скоро скончался после потрясения.

Какой вывод из этих трагических событий? Очень простой: обратиться родители с самого начала не к мул- ле, а врачу, беды бы не случилось. Откуда я так хорошо знаю об этом? Дело в том, что я — врач той самой бригады скорой помощи, которая приезжала к больному, но вызвали нас слишком поздно. Кстати, в соста- ве нашей бригады был тогда сани- тар Маулянов — верующий. Приме- чательно, что после этого случая он стал остывать к религии и осуждать служителей культа.

Г. ПОЛЯНОВСКИЙ, врач
г. Ташкент

В этом номере

ISSN № 0130-7045

**60 ЛЕТ СОВЕТСКИМ
РЕСПУБЛИКАМ
СРЕДНЕЙ АЗИИ**

В. ПЕРОВ, Ю. ШКОЛЕНКО
**ЛЕТАЮЩИЕ
ОБСЕРВАТОРИИ**

М. БЕЛЕНЬКИЙ
**ФИЛОСОФ
МАЙМОНИД**

Л. ЧУЛЬСКИЙ
**ПРОБЛЕМЫ И
ЗАБОТЫ
ПЛАНЕТАРИЯ**

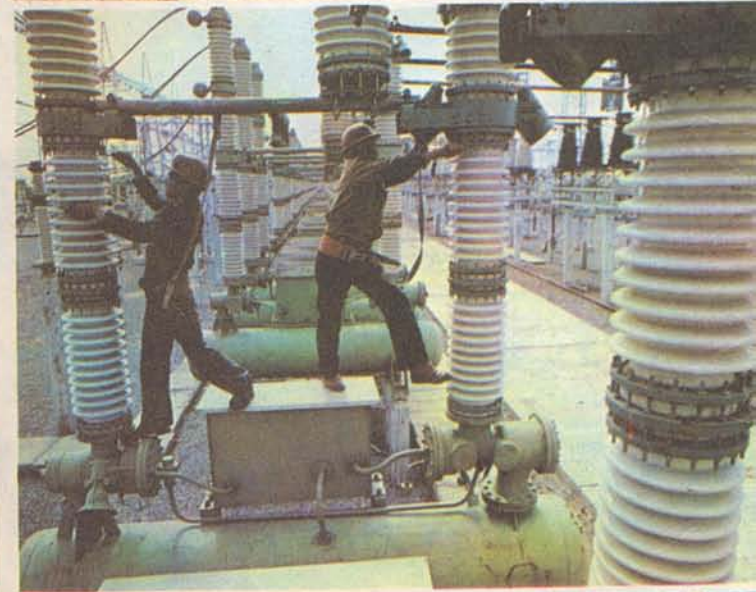
НАУКА И РЕЛИГИЯ

Ш. ШУКУРОВ, И. АЧИЛЬДИЕВ
ВОСТОЧНЫЙ БАЗАР

Зенон КОСИДОВСКИЙ
**ИЗ
НЕОПУБЛИКОВАННОГО**

М. ГОЛЬДЕНБЕРГ
**КЛЕРИКАЛЬНЫЙ
АНТИКОММУНИЗМ:
КАК ПРОЧЕСТЬ
ЛЕКЦИЮ НА ЭТУ ТЕМУ**

10 • 1984

● Часть Ашхабадского базара несколько десятилетий назад.

● На базар, как Ходжа Насреддин.

Сегодня путешествие на Восток и по Востоку стало не слишком обременительным. Современный сервис настолько видоизменил дорогу в эти края, что у пассажира сверхмощного авиалайнера, совершающего рейс, скажем, по маршруту Москва — Ташкент, возникает предчувствие: ничего подлинно восточного, ничего экзотического он не увидит. Кажет-

Ходжаевский базар или в Самарканде на Сиабский и вы увидите подлинный, живой Восток, хотя древность, экзотика здесь тоже потеснились, дав место и новому, современному.

Вам откроется удивительная картина, и вы поймете, что означает выражение: жизнь бьет ключом. Тысячи людей торгуют, покупают, едят, гоняют чаи, знакомятся,

Игорь АЧИЛЬДИЕВ

ся, и правда так: новые районы городов, заводы и фабрики, колхозные поля с тракторами и комбайнами, гигантские оросительные каналы потеснили прежний уклад восточной жизни. Возникли иные условия, иной быт — современный, мало чем отличающийся от быта украинца или белоруса. А мечети на площади Регистан в Самарканде, знаменитый минарет Калян в Бухаре, которыми вам предлагают полюбоваться во время стандартных, накатанных экскурсий, создают у туриста впечатление о Средней Азии как о некой экзотической реликвии, которой еще можно восхищаться, но принимать ее за действующую жизненную реальность по меньшей мере наивно.

Не спешите, однако, с выводами.

Зайдите в той же Бухаре на

спорят, ссорятся, мирятся, смеются, плачут и даже танцуют. Вас заворочит яркость красок, вы почувствуете особый, полнокровный ритм происходящего. У ворот базара вы обязательно увидите серенького ишака, совсем такого, на каком ездил Ходжа Насреддин, — и тогда вы постараетесь скрыться от бдительного ока туристского гида и затеряться где-нибудь в длиннющем зеленом, дынном или другом ряду, благо рядов этих бесконечное множество. Вы верно почувствовали — именно базар — вечно юная, неумирающая частичка древнего Востока.

На восточном базаре никогда, ни в какие времена не спешили ни покупать, ни продавать. Здесь долго рассматривают товар, торгуются до хрипоты, бьют по рукам, от-

бивая ладони, хватают уходящего покупателя за полу халата, а бывает, что, забыв о том, зачем они на базаре, покупатель и продавец вдруг заведут длинную беседу. Так однажды случилось со мной на Каракульском районном рынке, когда я подошел к продавцу чищенных грецких орехов. Не ответив на мой вопрос, почему килограмм, он внимательно посмотрел на меня, вытер чистым платком руки, разложил орехи на блюде, попросил угощаться и сам стал расспрашивать, откуда я приехал, какая у меня семья. Потом рассказал мне о своих детях, их у него оказалось десять, и старший уже работает, а младший еще не ходит в школу, о хозяйстве. Я узнал, что орехи, которые он продает, растут на раскидистом дереве вблизи оврага, где журчит арык. Он с гордостью сообщил, что

именно под этим орехом на его участке собираются старики всей махаллы, пьют чай, решают мирские дела. Рассказал и об этих делах. Внимательно слушал, что я ему скажу. Мы проговорили час. И я понял, что он не забыл, зачем он на базаре. Собственно, для него вот такой разговор о жизни важнее торговли орехами.

На восточном базаре люди проводят дни — приходят с рассветом, как только забьют барабаны и заиграют свою музыку зурначи (именно так начинается каждый день базара), и уходят, когда солнце скроется за горизонт. И конечно, не только торговля — содержание базарного дня. Здесь общаются тысячи людей. Веками базар был центром жизни восточного города, это не могло не сказаться на психологии и сегодняшних его жителей, хотя

их жизнь теперь совсем иная. А все равно от базара ждут важных событий, новостей, опровержений или подтверждений...

Здесь, словно в гигантском котле, варятся, сплавляются, формируются мысли и представления, отсюда начинается тот еще мало изученный во всех его чертах феномен, который называется общественным мнением. Базарные слухи и базарная этика; специфический базарный смех, в котором непостижимым образом соединены юмор и печаль, гротеск и трагедия; базарная толкучка, когда под палящим солнцем топчется на «пятачке» толпа народа, в любую минуту готовая вспыхнуть, зарывшись друг от друга единым чувством...

Разумеется, основная информация сегодня черпается из газет, телевидения,

● *Когда продавец пьет чай, лучше не спрашивать, сколько стоит его товар.*

других каналов, по которым люди получают социальные импульсы от общества. Однако все эти сведения и призывы надо усвоить, оценить, примерить к себе и другим. На базаре чутко слушают, что говорит сосед, о чем размышляет вслух собеседник, легко, вступают в чужой разговор, передают услышанное другим. Так сведения, мнения, слухи разносятся по махаллам, доходят до каждого...

Так что же такое восточный базар в его современном облике, можно ли по нему в какой-то степени судить об укладе жизни народа, его миропонимании, его представлениях?

Раньше, во времена, как здесь говорят о них, «до без эмира», главный базар Бухары, где ездил на своем ишаке еще Ходжа Насреддин, размещался перед воротами крепости Арк, на площади Регистан. Высооченные стены крепости встроены в склоны холма, на котором громоздятся крепость и бывший эмирский дворец. Стены не вертикальны, а наклонены к центру, и это создает впечатление величественности и неприступности крепости. Возвышаясь над базаром, она напоминала подданным эмира об их ничтожности, о бессилии перед лицом могучего владыки. Здесь же, на Регистане, творились суд и расправа, эмирские визири объявляли указы правителя, палачи били плетью провинившихся.

После революции Регистан стал одной из обычных площадей города, а эмирский дворец разместился музей, а базар откопался чуть выше. Долгое время он шумел вдоль всей узкой улочки Коммунаров, подбываясь к медресе Мир-Араб и минарету Калаян. Но все теснее становилось рынку в центре Бухары. И вот несколько лет назад главный базар города решили переселить, тем более, что бухарцы ждали гостей со всех концов света на тысячелетний юбилей Абу Али Ибн Сины, своего великого земляка. Выбрали для базара пустырь за мечетью Аюб-хана. И начался хошар — народная стройка, общее дело, жизненно необходимое городу. Восемь месяцев никто в Бухаре не знал покоя: все организации и предприятия посылали на хошар рабочих и автомашины, каждая махалла создала свою бригаду во главе с аскалами. Руководители области и республики регулярно интересовались, как дела с базаром — шутка ли, на его реконструкцию выделено около трех миллионов!

И вот я брожу по новому базару Бухары. Его назвали Ходжаевским — по имени известного советского партийного и государственного де-

ятеля Файзуллы Ходжаева. Представьте огромную площадь, обнесенную, словно сплошными стенами, десятками магазинов. С одной ее стороны чуть не на километр яркой полосой протянулась стоянка автомобилей, с другой — пышная зелень парка. Наверное, она шумит на ветру, но гул базара ее заглушает.

Крыши павильонов защищают людей от палящего солнца, временные прилавки тоже под тентами.

Чем же торгуют на главном базаре Бухары?

О, тут ответить нелегко — одно перечисление заняло бы всю страницу журнала. И взор человека не может вместить всего, что люди сделали своими руками, выстали и вынесли на суд людей, на базар. Взгляд мой охватывает лишь малую часть: зелень и мясо, рис и пряности, кислый творог чакка и сладкий мед на рачках, теплые лепешки с наколотыми дырочками и без них, присыпанные тмином или другими вкусными специями и не присыпанные. За рядом венчиков, который тянется метров на двести, следует ряд, где торгуют кетменями, он простирается метров на сто. А далее, далее — разноцветные восточные сладости, молоко и сметана, медицинские пивки и аквариумные рыбки, халаты и тулбейки, петухи и куры, яркие куски шелка, обувь, где, пожалуй, первое место занимают резиновые ичиги — высокие остроносые калоши, а там уже блещат искусно сделанные народными мастерами ювелирные украшения, развешиваются пестрые платки, ленты... Толпа густо обтекает прилавки: примеряется обувь, натягиваются халаты... Раздуваются от покупки сумки, тощат кошельки.

За торговыми рядами у мазара Чашма-Аюб на высокие мачтах-распорках натянута стальные канаты, на них танцуют и кувываются канатоходцы с шестом и без шеста, с завязанными глазами, в стеганых клоунских шароварах. Внизу бьет бубен, грохочет барабан, поет зурна и хрипит сопелка. В зрительях нет недостатка, огромная толпа глазует, ахает, сочувствует, пританцовывает.

Шумит, клокочет, живет своей удивительной жизнью огромный базар в Бухаре. Поражает его размах. Каждый ряд торговцев составляет улицу, конца которой не видно. Я насчитал более ста продавцов лепешек. Торговцы живностью и гуштом

(мясом) занимают угол, приближающийся по площади к крытому стадиону большого города. Все здесь напрягается на разбег сравнения и метафоры. Ходжаевский базар приносит Бухаре доход в 168 тысяч рублей. А ведь это не самый крупный базар в Узбекистане; Сиабский в Самарканде в три раза больше, его доход свыше полумиллиона рублей в год.

Такая масштабность должна, очевидно, как-то соотноситься с покупательским спросом. И действительно, я наблюдал, как с базара уходили, а чаще уезжали на ишаке или автомашине, увозя с собой мешки купленного товара. Покупки здесь если не оптовые, то, во всяком случае, крупные. Куда так много одному покупателю, недоумевал я, ведь не каждый день в узбекской семье свадьба или гости?

На Алатском базаре я познакомился с разговорчивым человеком, который бодро переходил от одного продавца к другому, интересовался ценами, обменивался приветствиями, новостями, но ничего не покупал. Как я уже говорил, покупки — не всегда цель человека, пришедшего на восточный базар. Так и тут. Турдыкул Рахматов заведует торговым отделом Алатского райпо, на базар он приходит ежедневно — по долгу службы обязан знать торговую ситуацию на рынке: какой идет товар, какие складываются цены. Родом Турдыкул из соседнего кишлака Сала-Караул, там живет и сейчас.

— Помню, в детстве приходил на базар пешком, — рассказывал он, — подростком ездил на велосипеде. Потом купил мотоцикл, а теперь езжу сюда на «Жигулях». А базар с тех пор вырос в несколько раз. Вы удивляетесь, что закупки на базаре больше? Так ведь семьи какие!.. У нас с женой восемь детей — четыре мальчика, четыре девочки. Это, по нашим меркам, еще немного. У младшего брата с женой шестеро детей. Живем мы с ним и мамой на одном подворье, вот и считайте, сколько надо редиски на завтрак четырнадцати ребятишкам? А сколько муки на лепешки, риса на плов? Сколько платьев и ткани? Сколько ботиночек, сандаликов, калошиков? Хорошо еще, что зелень сами выращиваем и своих овец держим.

Да, крупные покупки зелени, мяса, риса, муки, овощей на рынке обычные для узбекской семьи.

Старый восточный базар имел свою четкую социальную структуру. Леонид Соловьев, знаток и тонкий бытописатель Востока, позволивший читателям словно бы воочию увидеть базар времен Ходжи Насреддина (точное время жизни этого героя неизвестно, но для нашего рассказа это и неважно, Л. Соловьев описывает базар старого Востока, который сохранял свои черты со средневековья вплоть до первых десятилетий нашего века), очень точно раскрыл социальную структуру базара и классовую его суть. Откройте страницы его повестей «Возмутитель спокойствия» и «Очарованный принц», где даны картины бухарского и кокандского базаров, и вы сразу это увидите.

Не приводя длинных цитат из Соловьева, отметим главное: сегодня на среднеазиатском базаре в погоне за количеством явлений, которые отражали строй старого общества, действовавшие в нем порядки, миропонимание и мироощущение людей, проводивших здесь свои дни. Сравнивая две структуры — старую и нынешнюю, мы тотчас обнаружим, какие крупные социальные сдвиги произошли в обществе.

На сегодняшнем среднеазиатском базаре нет купцов, торгующих чужим товаром, который они за бесценок купили у дехкан или мастеровых. Нет перекупщиков, дерущих с покупателей три шкуры. Сгинули в небытие менялы, с огромной для себя выгодой обменивавшие деньги разных стран на те, что имеют хождение на базаре. Исчезли бродячие дервиши, которые неделями толпились на базарной площади, собирая подаяние за свою великую святость и вещая народу божественные тайны. Нет нищих, а без них невозможно представить старый восточный базар. Странно было бы увидеть сегодня здесь и гадалщиков с гадалыми бобами, «чернышми» книгами, картами, «священными» черепками и другой окултной атрибутикой. Не слышно больше над базарной толпой

ли, где торговали невольниками, где менялы, купцы и перекупщики грабили дехкан и мастеровых, где служители культа вынимали из народного кармана остатки скудных средств, то функция современного узбекского базара принципиально иная. Он помогает выполнять Продовольственную программу, привлекая излишки сельскохозяйственных продуктов, получаемых колхозниками в качестве заработка в колхозе или со своего усадебного участка. Те люди, которые покупают, и те, которые продают, — это трудовой народ. Здесь нет общественных захребетников, нет и эксплуатации бедняков богатыми. И деньги, вырученные от продажи продовольственных излишков, тут же расходуются на покупку одежды, тканей, обуви в кооперативных или государственных магазинах или сберегаются для будущих покупок.

Иные времена, иной базар!

Вот эти грани базарной жизни, отражающие его новую структуру, оказывают существенное влияние на формирование мировоззрения современных жителей Средней Азии. Механизм действия базара настолько же массов, насколько и влиятелен, нельзя не считать с силой этого социального явления, проникающего в повседневную толщу народной жизни, во многом подчиняющего себе процесс формирования духовного облика трудового человека.

На Востоке всегда существовал культ еды. Многие культы исчезли бесследно, а этот жив и сегодня, поэтому в одном из затененных углов всякого восточного базара вы найдете многочисленные шашлычные, самсышные, где готовят на ваших глазах, чайханы и ошхоны — столовые. Чуть пробежит ветерок, поплывет такой вкусный аромат, таким славным дымком потянет от горячих углей в жаровне, на которые капает винный уксус с шашлычного мяса, что ноги сами несут тебя в этот угол базара.

Из огромного черного казана, вмурованного в уличную печь, вам наполнят с верхом миску пловом, добавят кусок мяса, венчающего гору риса, посыпят луком, облитым уксусом, подкинут разную травку — ешь досыта, дорогой гость! Если хочешь — бери шашлык, выбери на свой вкус — на ребрышке, рубленый мелко или крупными сочащимися кусками. Бери лапшу, бери десяток сочных пирожков — самсы, все благоухает так притягательно, что невольно

криков муэдзина, напоминающего правоверным, что молитва — лучше торговли и всех других дел, призывающего пожертвовать несколько таньга в пользу мечети. Впрочем, вблизи бухарского и самаркандского базаров и сегодня есть мечети, и каждый мусульманин может совершить свою молитву, но я что-то не заметил, чтобы на время намаза затихала на базаре жизнь, прерывалась торговля.

Канули в прошлое эмирские стражники, выколачивавшие из базарного люда всевозможные поборы. А ведь был еще и невольничий рынок, занимавший площадь не меньше скотного, там можно было купить и продать раба, женщину.

Нет нынче седельного, сапожного, красильного, гончарного, шелкового рядов и шерстобитного двора — эти функции ремесленников приняла на себя государственная промышленность, располагающая мощными заводами и фабриками, и сфера обслуживания с ее мастерскими и ателье.

На Ургутском базаре я насчитал 12 кузниц комбината бытового обслуживания — в каждой свой небольшой горн и наковаленка, в каждой сидят два-три мастера, которые на ваших глазах откуют из железа кетмень, наточат его как следует, из куса напильника выточат нож. Перед кузницами разложен товар — изделия мастеров.

Социальная структура восточного базара сегодня

● Плов для тех, кто сегодня придет на базар.

соответствует потребностям общества, которое он обслуживает. Если в далекие времена — «до без эмира» — базар был местом, где народ эксплуатировали, обманыва-

● Купите лепешку! Но как выбрать, какую?

покоряешься прославленному культу еды, точнее — еды восточной.

Огромная, словно блюдо, теплая хлебная лепешка — кажется, будто ее сию минуту вынули из раскаленного тандыра. А на блюде зелень — тут тебе и чеснок, и лук, и помидоры, и огурцы, и кинза, и петрушка, и редиска.

Восточный базар без плова и шашлыка? — такого и не бывает. Вокруг предпринятий общепита на базаре все время стоит разноголосый говор. На базаре едят все те тысячи людей, которые сюда приходят за день. Едят плотно, вкусно, словно совершая любимую работу и гордясь своим искусством есть.

Базар пережил много перемен, но еда по-прежнему составляет его главную часть. На Востоке уже с утра ведут разговоры об обеде, а к обеду прикидывают, что готовить на ужин.

Кто же и как кормит десятки тысяч людей на базаре? Здесь мы подходим еще к одному важному изменению в структуре современного базара: исчезли частные чайханчики и владельцы ошхон.

...Истам Таирович Толибов, человек невысокого роста, седоватый и очень подвижный, редко появляется на рынке. Он возглавляет Самаркандское хозрасчетное объединение «Оби рахмат», располагающее десятком ресторанов, двумя столовыми, четырьмя специализированными предприятиями, выпускающими блюда национальной кухни, четырьмя барами, двумя магазинами «Кулинария». В предприятиях общественного питания, принадлежащих «Оби рахмат», одновременно за стол могут сесть 1700 человек. Да, Толибов не называет чайханчиком! Но как удивительно тонко он чувствует потребности самаркандца, как точно знает, сколько и чего готовить. Товарооборот объединения доходил до шести миллионов рублей в год — вот как кормят ныне самаркандца, ежедневно приходящего на базар.

Толибов знает, что сегодня мало просто накормить человека — люди хотят видеть вокруг себя красивую обстановку, удобную и изящную мебель, они хотят, чтобы их радушно и быстро обслужили. И рестораны «Оби рахмат» отделаны в национальном стиле, их здания вписаны в холмы и низины, стыкуются с купами тенистых деревьев или журчащим арыком: Толибов строил рестораны, сове-

туясь с опытными художниками-дизайнерами.

Забота о человеке, пришедшем поесть в столовую или ресторан, выпить пиалу чая в чайхану, — это тоже черта современного восточного базара. Вместо пузатых чайханчиков, дозволявших азартные игры, во время которых дехкане порой лишались не только своих жалких грошей, но и сапог, вместо владельцев ошхон, сдиравших с бедного люда за все, даже за аромат шашлыка, появились такие организаторы общественного питания, как Толибов.

Какие еще новшества увидим на восточном базаре?

На Сиабском базаре в Самарканде вы, конечно, обратите внимание на капитана милиции, который неторопливо ходит вдоль рядов, зорко присматриваясь ко всему, что происходит вокруг. У него цепкий взгляд, уверенная походка. Уткир Пардаев — участковый инспектор районного отделения милиции. Его служебная репутация отличная. Он учится на юридическом факультете университета.

Под руководством Пардаева на базаре работает отряд дружинников. Они охраняют интересы тех, кто продает на рынке сделанное, выращенное своими руками. Чтобы спекулянты не перекупали у колхозников товар, чтобы дети не торговали, чтобы не было на рынке краж, пропав и других нарушений. Над Сиабским колхозным рынком — так он называется официально — шефствуют семь промышленных предприятий города, они и присылают сюда, к капитану Пардаеву, своих дружинников.

Есть и еще одна деталь базарного быта, вовсе неведомая прежнему Востоку. На каждом рынке, даже на самом небольшом, районного масштаба, теперь есть особая служба — санитарная инспекция, которая контролирует качество продуктов. Лаборант мясомолочной и пищевой контрольной станции при Сиабском колхозном рынке Халима Искандерова работает здесь уже 13 лет. По специальности она — ветеринарный врач. Ее дело — проверка мяса, молочных продуктов — чтобы не оказались они причиной тяжелых болезней. На станции определяют и жирность молока, свои требования здесь к рису, картошке, бахчевым. Все, что привозит на рынок колхозник, проходит контроль на этой станции. Чуть что не так — составляют акт, вызывают представителя влас-

ти, бракованный продукт уничтожается. Бывает, что требуется перепахать домашний участок, где выращены плоды или овощи, или срочно забить больной скот.

Можно ли представить себе подобную службу на старом базаре? Там продавалось все, что привез торговец. Товар продан, а что дальше — никого не касается: умер человек или заболел — ниши продавца в пустыне! Да и продавца, считалось, ни при чем — все во власти Аллаха!

Нынешний базар иначе относится и к покупателю, и к продавцу. С уважением. С интересом и доброжелательством. Старый базар весь был построен на обмане, на силе богатого, но неправого, на власти купца или менялы над простым тружеником — и эти отношения определяли мировоззрение человека, под их влиянием складывался его духовный облик, покорность, приниженность были характерными чертами жителя Востока. Новые отношения теперь на базаре. Современный бухарец или самаркандец даже и не задумывается над тем, что же о нем заботится, он воспринимает эту черту своей жизни как нечто само собой разумеющееся: на базаре порядок, здесь следят за качеством продуктов, за тем, чтобы не обманули простого и доверчивого человека, который трудится и не знает базарных хитростей. Его интересы защищает сегодня сама народная власть.

Когда ребенок растет, родители каждый год отмечают карандашом на дверной притолоке, на сколько сантиметров он стал выше. Восточный базар далеко не подросток, но он продолжает стремительно расти и заметно обгоняет возможности устроителей.

— Да, в конце 70-х — начале 80-х годов мы создали в Бухаре новый базар, — подтверждают исполняющий обязанности директора Ходжаевского рынка Мирзо Рухиевич Ачилов и начальник отдела рынков управления

торговли Бухарского облисполкома Салим Каримович Шарипов. — Но прошло несколько лет, и мы видим, что этого мало, до обидного мало! Нужна еще одна гостиница, нужно расширять холодильники, возводить новые павильоны...

— На Сиабском базаре вы встретите людей из всех республик Средней Азии, из каждой области Узбекистана, — рассказывает директор этого рынка Эркин Мухиддинович Файзуллаев. — Места мало — вот беда! Холодильник в караван-сарай всего лишь на 20 тонн. А ведь в сезон за день на базар завозится 40, а то и больше автомашин с дынями и арбузами — где торговать, как разместить продавцов и товар? Сейчас у нас площадь пять гектаров, а будет десять! Перенесем завод «Хлопкомаш» в другой район города, подготовим территорию в центре Самарканды, возведем новые павильоны... Один бахчевый ряд будет на триста торговых мест! И тогда свободно разместятся на прилавках белый изюм из Ургута, рис из Хорезма, бахчевые из Джезказгана и Чарджоу, гранаты из Кашкадарьи, морковь из Таджикистана, все разместится! Реконструкция обойдется в 15 миллионов рублей. Но город готов пойти на эти затраты, ведь наш базар — не только туристская реликвия, это...

И Файзуллаев широко развел руками, желая показать, что базар — сама жизнь!

Я привел эти короткие рассказы, чтобы подчеркнуть: восточный базар как социальный институт и звено хозяйственного механизма советских республик Средней Азии вовсе не старится и не умирает. Он юн и молод, растет, набирает силу, выполняет важнейшие функции в укладе их жизни. И при этом развивается как социальное явление, крепче связывает свою судьбу с актуальными задачами нашего общества.

Уверен, пройдет полтора десятка лет, отделяющих нас от XXI века, и очередной приезжий, с изумлением остановившись перед воротами Ходжаевского или Сиабского базара, спросит у человека, ведущего в поводу серенького ишака:

— Ради Аллаха, путник, что у вас творится здесь, на площади?

— Базар! — кратко ответит бессмертный Ходжа Насреддин.